

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1833 г. ¹⁾.

Январь—августъ.

Январь 1. Новый годъ встрѣчалъ у Дея и провелъ нѣсколько часовъ въ пріятномъ обществѣ пепиньерокъ и классныхъ дамъ Смольнаго монастыря. Вообще онѣ очень милы и гораздо образованнѣе дѣвицъ, воспитанныхъ въ гостинныхъ.

2. По утру писалъ свою университетскую рѣчь, которую готовлю къ печати. Занимался съ полковникомъ Сутгофомъ русскою словесностью. Въ канцеляріи накопилась масса дѣлъ. Объявилъ согласіе преподавать словесность въ Аудиторскомъ училищѣ. Вечеромъ былъ съ Печеринымъ въ театрѣ. Играли оперу-водевиль: «Пажы Фридриха Втораго»—пустынюкую, но довольно забавную пьесу, и «Разводъ», интрига которой хорошо ведена.

Дюръ—отличный актеръ: онъ живо и непринужденно играетъ.

Сегодня Екимовъ просилъ позволенія прочесть мнѣ переводъ свой Шекспирова «Купца». Я назначилъ ему пятницу. Былъ у меня Курторга старшій. Онъ получилъ степень доктора медицины. Это мыслящая голова, самостоятельная. Онъ намѣренъ жить по человѣчески, а не по школьному.

7. Сегодня въ 5 часовъ утра пріѣхалъ съ бала отъ Германа. Тамъ было много монастырокъ. Онѣ всё такъ ласковы ко мнѣ. Дѣвицы Александра Слонецкая и Эмилиа Германъ мыслящія и образованныя. Весѣда съ ними очень пріятна.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; нояб., стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; июнь, стр. 577—598; т. LXIII, июль, стр. 27—60.

Старикъ Германъ оканчиваетъ Аристиповски свое земное поприще. Онъ уменъ, любезенъ по своему, хитеръ. Съ нимъ были у меня маленькія размолвки, но теперь онъ, кажется, пересталъ на меня посягать. Тимаевъ, его помощникъ, человѣкъ добрый и съ образованіемъ, но слабъ характеромъ; ему хотѣлось, чтобы я преподавалъ словесность въ Екатерининскомъ институтѣ по его неполному руководству. Я отвергъ это и долженъ сказать, что онъ не выказываетъ никакого неудовольствія.

10. Всѣ эти дни я провелъ дома, за перепиской моей вступительной лекціи въ университетѣ, которою желалъ бы нѣсколько изгладить дурное впечатлѣніе, произведенное, какъ я опасаясь, произнесеніемъ ея или, лучше сказать, импровизаціей. Я читалъ ее въ воскресенье Галичу. Онъ очень доволенъ ею. Не нашелъ ни одной мысли, не соотвѣтствующей дѣлу. Горячо одобрилъ изложеніе нѣкоторыхъ частей ея, за то въ другихъ желалъ бы видѣть меньше рѣзкости и пылу.

11. Начались лекціи въ институтѣ. Классы почти пусты, потому что большая часть дѣвицъ больны.

Въ городѣ свирѣпствуетъ какая-то эпидемія: боль горла, головы, неприятное ощущеніе во всемъ тѣлѣ—вотъ признаки ея; впрочемъ, она не опасна.

Былъ у Штерича. Хотя ему теперь и лучше, но у него, кажется, начало чахотки. Я люблю его. Онъ благороденъ, добръ, постигаетъ все прекрасное и возвышенное; у него есть воображеніе и при томъ самое утонченное свѣтское образованіе. Обращеніе его исполнено мягкости и прелести, происходящихъ не отъ формъ, а отъ души. Онъ постигъ искусство нравиться въ его самомъ привлекательномъ видѣ, т. е. любовью склоняя къ себѣ сердца.

14. Былъ, между прочимъ, сегодня у инспектора классовъ Воспитательнаго дома, Александра Григорьевича Ободовскаго. Онъ просилъ меня взять на себя преподаваніе русской словесности въ классѣ гувернантокъ. Но я далъ уже слово инспектору Аудиторскаго училища и не имѣю больше времени.

Впрочемъ, какъ мои занятія въ Воспитательномъ домѣ могли бы начаться не раньше, какъ черезъ два мѣсяца, то до тѣхъ поръ еще многое можетъ измѣниться. Во всякомъ случаѣ, я полагаю, что могъ бы принести больше пользы, образуя воспитательницъ будущаго поколѣнія, нежели солдатъ.

Вчерашняя пятница была у меня бѣдна посѣтителями. Эпидемическая болѣзнь, которую называютъ гриппомъ, многихъ засадила дома. Между прочимъ, былъ Кирѣевъ, авторъ трагедіи «Тассъ». Это человѣкъ съ горячею, оригинальною душою и свѣтлымъ умомъ. Рѣчи

его отзываются горькою ироніею на жизнь вообще и на жизнь русскую въ особенности—жизнь солдатскую преимущественно. Онъ служитъ адъютантомъ у Клейнмихеля.

Ободовскій показался мнѣ человѣкомъ образованнымъ. Какъ педагогъ, онъ смотритъ на вещи яснымъ окомъ, какъ человѣкъ—онъ проникнуть стремленіемъ сдѣлать, сколь возможно, болѣе добра на благородномъ поприщѣ, на которомъ онъ дѣйствуетъ. Мнѣ хотѣлось бы съ нимъ служить.

Сегодня меня очень порадовало въ институтѣ первое отдѣленіе. Я дѣлалъ неожиданную репетицію. Дѣвицы отвѣчали превосходно. Мнѣ кажется—главное достигнуто. Души ихъ раскрылись къ припятию тѣхъ идей, которыя я желалъ бы вдохнуть въ нихъ. Между ними и мною образовалось духовное родство, безъ котораго наставленія теряются въ воздухѣ.

Менѣ доволенъ я сегодня своею университетскою лекціей «О пѣсни и элегіи». Никакъ не могу до сихъ поръ наладить своего дѣла здѣсь, по крайней мѣрѣ такъ, чтобы не чувствовать сильнаго недовольства собой.

20. Наконецъ, и меня прихватилъ гриппъ. Но такъ какъ сегодня пятница, то меня, по обыкновенію, посѣтили нѣкоторые изъ пятничныхъ завсегдатаевъ. Екимовъ читалъ свой переводъ Шекспировой драмы «Венеціанскій купецъ». Онъ оставилъ у меня эту пьесу и «Лира», котораго тоже перевелъ. Последній принятъ уже на сцену. Женщина въ злодѣяніи отлична отъ мужчины. Одна предпочитаетъ дѣйствовать ядомъ, другой кинжаломъ. Такъ и должно быть. Хотя бы женщина была самъ дьяволъ, она не можетъ любить крови.

26. Въ институтѣ у меня въ классѣ былъ Вилямовъ вмѣстѣ съ Гулакомъ-Артемовскимъ, профессоромъ харьковскаго университета и членомъ совѣта тамошняго женскаго института.

Я экзаменовалъ дѣвиць. Онѣ робѣли, но отвѣчали хорошо, только говорили немного тихо. Инспектрисса замѣтила, что я не лучшихъ вызывалъ. У насъ все дѣлается для парада и показа.

Азія посылаетъ новый бичъ на Европу—какую-то язву. Говорятъ, она уже показала въ Оренбургѣ. Это горячка тифусъ.

29. Погода ужасная. Дождь. Снѣгъ на улицахъ почти совсѣмъ исчезъ. Въ городѣ очень много больныхъ. Много также умираетъ. Это не зараза, однако, особаго рода эпидемія. Какъ бы то ни было, люди гибнутъ, какъ мухи.

Вчера до четырехъ часовъ провелъ на балу у Германа. Когданибудь съ бала да въ могилу. Но, говорить поэтъ, есть упоеніе на краю бездны. У Германа между чиновниками велся продолжительный

и скучный разговоръ о наградахъ, коими осыпаны трудившіеся надъ составленіемъ свода законовъ. Звѣзды, чины, аренды и деньги посыпались, какъ градъ, на этихъ людей. Чиновники въ страшномъ волненіи: «да какъ, да за что, да почему?» и проч., и проч.; толкамъ нѣтъ конца. Слушая все это, я невольно заворачивалъ отвороты моего вицмундира, чтобы скрыть пуговицы, символъ моего чиновничества. Эти люди, впрочемъ, правы, что желаютъ креста, чина: безъ этого кто же призналъ бы ихъ за людей? Если ты хочешь отъ общества пиши сердцу или страстямъ своимъ, то долженъ предъявить ему всѣ эти блестящія бездѣлицы. Хочешь имѣть милую, образованную подругу—справься прежде съ табелью о рангахъ и тогда только приступай къ дѣлу. Уваженіе, любовь людей, все, все надо покупать вывѣскою достоинствъ, которыхъ всего чаще не имѣешь. Но ты хочешь быть свободенъ—такъ ты въ войнѣ съ обществомъ. Счастливъ, если успѣешь спасти свое тѣло отъ холода и голода. Больше ничего не требуй.

30. Вчера былъ на великолѣпномъ обѣдѣ у прекрасной вдовы полковницы Зеландъ. Тутъ было нѣсколько военныхъ генераловъ. Разговоръ ихъ о лошадяхъ и выправкѣ солдатъ показался мнѣ крайне скучнымъ. Насъ четверо: я, два Гебгарта и Лингвистъ, составляли отдѣльный кружокъ, который занимался не столько яденіемъ, сколько сужденіемъ о яствахъ и о тѣхъ, которые ѣли. Обѣдъ былъ бы очень хорошъ, если-бъ послѣдніе сколько нибудь соотвѣтствовали нервымъ. Можно бы сдѣлать вопросъ: худой человѣкъ не меньше ли хорошаго соуса. Конечно, меньше, потому что худой человѣкъ не исполняетъ своего назначенія, а хорошій соусъ не исполняетъ. За то сама г-жа Зеландъ сіяла красотой и радушіемъ.

Мы встали изъ-за стола въ семь часовъ и чуть не опрометью бросились изъ столовой, чтобы застать еще спектакль: въ этотъ вечеръ въ Большомъ театрѣ давали «Ричарда» въ такомъ или почти въ такомъ видѣ, въ какомъ вышелъ онъ изъ творческой головы Шекспира.

Мы помчались столь быстро, сколько позволяла кляченка Ваньки, и явились въ театръ, когда первое дѣйствіе уже оканчивалось. О, Шекспиръ, Шекспиръ! Къ какимъ варварамъ попалъ ты! На иеречеть восемь или девять человѣкъ во всемъ театрѣ (который былъ полонъ) изъявляли восторгъ: все прочее многолюдіе или безлюдіе было глухо, нѣмо, безъ рукъ: ни восклицанія, ни рукоплесканія! За то нашъ Печеринъ возвратился домой съ опухшими руками: онъ не жалѣлъ ихъ для великаго Шекспира. Нѣтъ, наша публика, рѣшительно, еще не вышла изъ дѣтства. Ей нужны куклы, полеты, пре-

вращения. Глубины страстей, идеи искусства ей недоступны. Мнѣ стало грустно. Ко мнѣ подошелъ Кирѣевъ; я сказалъ ему:

— Кажется, публика довольна.

Онъ улыбнулся печально. Я дѣлалъ глупости, однако-жь, говорилъ вслухъ Гебгарту:

— Объясните, пожалуйста, этимъ господамъ, которые сидятъ вотъ тамъ, въ креслахъ, что Шекспиръ начальникъ отдѣленія въ департаментѣ N. N. или что онъ поручикъ гвардіи: авось они одобрятъ вызовомъ переводчика изъ уваженія къ именитости автора.

По окончаніи пьесы едва нашлось съ дюжину голосовъ, чтобы вызвать переводчика. Онъ не скоро явился. Онъ человѣкъ образованный. Это самъ актеръ, игравшій Ричарда, Брянскій.

Февраль 11. Вчера въ пятницу былъ нашъ обыкновенный годичный пиръ. Не было Гедерштерна и Иванова, не знаю почему. Полѣновъ въ Греціи, а Поповъ въ могилѣ. Мы много вспоминали о послѣднемъ. Все было дружно по прежнему, но радость была не безъ примѣси печали.

Въ десятомъ часу мы съ Гебгардтами поѣхали на балъ къ Зеландъ. Тамъ нашли мы десятка два мужчинъ и столько же дамъ. Танцевали и говорили, какъ автоматы. На балу присутствовалъ также женихъ прелестной г-жи Зеландъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Обрѣзковъ: это старикъ лѣтъ семидесяти. Чета, достойная кисти Жанепа.

Мартъ 16. Сегодня провожалъ я въ могилу бѣднаго Штерича. Онъ умеръ отъ лютой чахотки послѣ шестимѣсячныхъ страданій. Я лишился въ немъ человѣка, котораго горячо любилъ и который былъ мнѣ искренне преданъ. Горькая потеря. Передъ гробомъ его несли пармекую звѣзду, полученную имъ отъ бывшей императрицы французской.

Онъ умеръ съ возвышенными чувствами христіанина. Священникъ, исполнявшій надъ нимъ обряды религіи, былъ глубоко тронутъ, особенно словами: «Одного не прошу себѣ, что я въ жизни мало старался узнать Бога и не понималъ его такъ, какъ понимаю теперь». Предчувствіе конца обнаружилось въ немъ недѣли за три. Сначала онъ тосковалъ, былъ мраченъ и безпокоенъ. Потомъ, мало по малу, началъ погружаться въ самого себя и спокойствіе осягнуло его страждущую душу. По временамъ только онъ ослабѣвалъ физически и нерѣдко впадалъ въ безпамятство. За три дня до кончины онъ созвалъ всѣхъ своихъ людей, объявилъ имъ свободу и нѣкоторыхъ наградилъ. Спрашивалъ меня, но меня не было. Позвалъ нѣкоторыхъ изъ случившихся у него пріятелей и съ ними также простился. Въ день

кончины онъ много страдалъ физически. Къ полуночи онъ началъ тяжело дышать, сказалъ:

— Теперь я засну, скажите матушкѣ, что я засну,—оборотился на лѣвый бокъ; дыханіе становилось рѣже и рѣже; къ нему подошелъ его дядя, Симанскій; руки Штерича уже были холодны; еще вздохъ—и актъ уничтоженія совершился. Никакихъ конвульсій, только, по временамъ, онъ вздрагивалъ плечомъ.

Я уже нашелъ его въ гробу. Онъ очень былъ худъ, но лицо выражало важное спокойствіе. Мы проводили его пѣшкомъ до самаго Невскаго монастыря.

Апрѣль 4. Третьяго дня я читалъ попечителю мою вступительную лекцію «О происхожденіи и духѣ литературы», которую отдаю въ печать. Онъ совѣтовалъ мнѣ вычеркнуть нѣсколько мѣстъ, которыя, по собственному его сознанію, исполнены и нравственной, и политической благонамѣренности.

— Для чего же? спросилъ я.

— Для того, отвѣчалъ онъ,—что ихъ могутъ худо перетолковать—и бѣда цензору и вамъ.

Я, однако, оставилъ ихъ, ибо безъ нихъ сочиненіе не имѣло бы ни смысла, ни силы.

Неужели, въ самомъ дѣлѣ, все честное и просвѣщенное такъ мало уживается съ общественнымъ порядкомъ! Хорошъ же послѣдній! На что же заводить университеты? Непостижимое дѣло! Опять велѣно отправить за границу для усовершенствованія въ наукахъ двадцать избранныхъ молодыхъ людей,—а что они будутъ дѣлать тутъ, возвратясь со своими познаніями, съ благороднымъ стремленіемъ озарить свое поколѣніе свѣтомъ истины...

...Было время, что нельзя было говорить объ удобреніи земли, не сославшись на тексты изъ Свящ. писанія. Тогда Магницкіе и Руничы требовали, чтобы философія преподавалась по программѣ, сочиненной въ министерствѣ народнаго просвѣщенія; чтобы, преподавая логику, старались бы въ то-же время увѣрить слушателей, что законы разума не существуютъ; а, преподавая исторію, говорили бы, что Греція и Римъ вовсе не были республиками, а такъ чѣмъ-то похожимъ на государства съ неограниченною властью, въ родѣ турецкой или монгольской. Могла ли наука принести какой-нибудь плодъ, будучи такъ извращаема? А теперь? О, теперь совсѣмъ другое дѣло. Теперь требуютъ, чтобы литература процвѣтала, но никто бы ничего не писалъ ни въ прозѣ, ни въ стихахъ; требуютъ, чтобы учили какъ можно лучше, но чтобы учащіе не размышляли, потому что учащіе—что такое? Офицеры, которые (сурово) управляются

съ истиной и заставляють ее вертѣться во все стороны передъ своими слушателями. Теперь (1833 г.) требуютъ отъ юношества, чтобы оно училось много и при томъ не механически—но чтобы оно не читало книгъ и никакъ не смѣло думать, что для государства полезнѣе, если его граждане будутъ имѣть свѣтлую голову, вмѣсто свѣтлыхъ пуговицъ на мундирѣ.

5. У насъ уже недѣли три какъ новый министръ народнаго просвѣщенія Сергѣй Семеновичъ Уваровъ. Сегодня ученое сословіе представлялось ему, въ томъ числѣ и я, но ирредставленіе это имѣло строго официальный характеръ.

10. Сегодня Николай Павловичъ посѣтилъ нашу первую гимназію и (выразилъ неудовольствіе). Вотъ причины. Дѣти учились. Онъ вошелъ въ пятый классъ, гдѣ преподавалъ исторію учитель Турчаниновъ. Во время урока одинъ изъ воспитанниковъ, впрочемъ, лучший и по поведенію, и по успѣхамъ, съ вниманіемъ слушалъ учителя, но только облокотясь. Въ этомъ увидѣли нарушеніе дисциплины. . . . Повелѣно попечителю отставить отъ должности учителя Турчанинова...

.

Послѣ сего государъ вошелъ въ классъ къ священнику—и здѣсь та-же исторія. Все дѣти были въ полномъ порядкѣ, но, къ несчастію, одинъ мальчикъ опять сидѣлъ, прислонясь спиной къ заднему столу. Священнику былъ сдѣланъ выговоръ, на который онъ, однако, отвѣчалъ съ подобающимъ почтеніемъ:

— Государъ, я обращаю вниманіе болѣе на то, какъ они слушаютъ мои наставленія, нежели на то, какъ они сидятъ.

Попечителю опять горе: вотъ уже третій разъ...

12. Посѣщеніе государя первой гимназіи имѣло болѣе важныя послѣдствія, чѣмъ сначала казалось. Попечитель, нашъ благородный, просвѣщенный начальникъ, исполненный любви къ людямъ и къ Россіи—человѣкъ, которому недоставало только воли и счастья, чтобы занять одинъ изъ важнѣйшихъ постовъ въ государствѣ—однимъ словомъ, Константинъ Матвѣевичъ Бороздинъ принужденъ подать въ отставку. Вчера онъ уже написалъ письмо къ министру.

Но вотъ черта его, лично ко мнѣ относящаяся, которая тронула меня до глубины души. Онъ позвалъ меня въ кабинетъ и сказалъ:

— Ты знаешь, что я всегда видѣлъ въ тебѣ и, дѣйствительно, имѣлъ не чиновника, не подчиненнаго, но сына. Мнѣ жаль съ тобой разстаться. Но вотъ что я могу для тебя сдѣлать, насколько позволяютъ мои разстроенныя обстоятельства: когда и твоей ладѣ въ этомъ политическомъ морѣ придется спасаться отъ мелей и камней—

спѣши ко мнѣ. Я назначилъ тебѣ изъ моего имѣнія двадцать душъ и около двухсотъ десятинъ земли. Тамъ, на крайней мѣрѣ, ты найдешь пріютъ ¹⁾.

Я ничего не могъ сказать. Слезы покатались у меня изъ глазъ и мы горячо обнялись...

На его мѣсто хотять назначить графа Виейльгорскаго.

16. Министръ избралъ меня въ цензоры, а государь утвердилъ въ семь званіи. Я дѣлаю опасный шагъ. Сегодня министръ очень долго со мной говорилъ о духѣ, въ какомъ я долженъ дѣйствовать. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе челоѣка государственнаго и просвѣщеннаго.

— Дѣйствуйте, между прочимъ, сказалъ онъ мнѣ,—по системѣ, которую вы должны постигнуть не изъ за одного цензурнаго устава, но изъ самыхъ обстоятельствъ и хода вещей. Но при томъ дѣйствуйте такъ, чтобы публика не имѣла повода заключать, будто правительство угнетаетъ просвѣщеніе.

Я хотѣлъ было попросить у него увольненія отъ должности правителя попечительской канцеляріей, но онъ изъявилъ свое рѣшительное желаніе, чтобы я остался еще въ этомъ званіи.

Май 4. Попечителемъ нашимъ назначенъ князь Михаилъ Александровичъ Дондуковъ-Корсаковъ. Онъ перваго мая вступилъ въ управленіе должности. Онъ, кажется, челоѣкъ благородный и образованный.

Всѣ эти дни я измученъ канцелярскими дѣлами. Я погрязъ въ нихъ и не имѣю времени для литературныхъ занятій. Такъ мѣсяць за мѣсяцемъ, годъ за годомъ текутъ, унося съ собою лучшія силы мои...

Августъ 19. Вотъ уже мѣсяць, какъ я женатъ ²⁾.

¹⁾ Это впоследствии не состоялось.

²⁾ На этомъ обрывается 1833 годъ.

1834 г.

Январь. 1. Полночь. 1834 годъ. Я возобновляю мой дневникъ, прекратившійся, было, со времени моей женитьбы. Время мое расхищено мелочными заботами канцелярской жизни. Какъ избѣжать этого? Горе людямъ, которые осуждены жить въ такую эпоху, когда всякое развитіе душевныхъ силъ считается нарушеніемъ общественнаго порядка. Немудрено, что и мои университетскія лекціи не таковы, какими бы я хотѣлъ и могъ бы сдѣлать ихъ. Правда, я слышу со всѣхъ сторонъ, что я создаю школу, что я отбрасываю отъ себя лучи свѣта—но въ моихъ глазахъ все это какъ-то тускло, нетеплотно.

..... администрація жметъ меня въ своихъ когтяхъ и выжимаетъ изъ меня энергію. Часто приходится обдумывать лекціи только у порога университета.

Изъ всего этого выходитъ, что дѣятельность моя уподобляется нестройнымъ облакамъ, движущимся туда и сюда, по направленію вѣтра. Въ ней нѣтъ солнца истины, нѣтъ постоянного животворнаго сіянія.

Я опять просилъ уволить меня отъ канцеляріи. Но министръ говоритъ, что я нуженъ, просить еще остаться. Будемъ биться до смерти.

3. Министръ призывалъ меня по дѣламъ цензуры. Олинъ написалъ похвальное слово нынѣшнему царствованію. Въ немъ расточены напыщенные похвалы государю и Паскевичу. Эта книженка была мнѣ поручена на цензуру. Въ безвыходномъ положеніи оказывается цензоръ въ такихъ случаяхъ: по духу—такихъ книгъ запрещать нельзя, а пропускать ихъ какъ-то неловко. Къ счастью, государь на этотъ разъ самъ разъяснилъ вопросъ. Я пропустилъ эту книжку, однако, вычеркнувъ изъ нея нѣкоторыя мѣста, на примѣръ, то мѣсто, гдѣ авторъ называлъ Николая I богомъ. Государю все-таки не понравились неумѣренныя похвалы, и онъ поручилъ министру объявить цензорамъ, чтобы впредь подобныя сочиненія не пропускались. Спасибо ему!

Я сдѣланъ членомъ комитета, учрежденнаго для выработки правилъ надзора за частными учебными заведеніями. Предсѣдатель— князь (Дондуковъ - Корсаковъ); прочіе члены: директоръ Педагогическаго Института Миддендорфъ, профессора Фишеръ и Шнейдеръ, ректоръ университета Дегуровъ. Боюсь, однако, что вся работа опять повиснетъ на моихъ плечахъ.

5. Недавно познакомился я съ Несторомъ Кукольникомъ, авторомъ драматической фантазіи: «Торквато Тассо». Это человекъ съ несомнѣннымъ талантомъ, но душа его пока для меня неясна. Онъ читалъ у меня на литературномъ вечерѣ свою новую драму: «Джуліо Мости». Она растянута, довольно длинна и скучна въ цѣломъ. Характеръ главнаго дѣйствующаго лица не выдержанъ, но есть сцены, исполненныя истинно драматической жизни. Кукольникъ далеко пойдетъ, если полюбитъ искусство и одно искусство — если, подобно многимъ другимъ, не попробуетъ соединить въ себѣ чиновника и поэта.

7. Баронъ Розенъ принесъ мнѣ свою драму «Россія и Баторій». Государь велѣлъ ему передѣлать ее для сцены, и баронъ передѣлываетъ. Жуковскій помогаетъ ему совѣтами. Отъ этой драмы хотятъ, чтобы она произвела хорошее впечатлѣніе на духъ народный.

Между барономъ Розеномъ и Сенковскимъ произошла недавно забавная ссора. По словамъ Сенковского, баронъ просилъ написать рецензію на его драму и напечатать въ «Библіотекѣ для Чтенія», рассчитывая, конечно, на похвалы. Сенковскій обѣщалъ, но выставилъ въ своей рецензіи баронскаго «Баторія» въ такой параллели съ Кукольниковымъ «Тассо», что послѣдній совершенно затмилъ перваго. Баронъ разсердился, написалъ письмо къ критику и довелъ его до того, что тотъ рѣшился не печатать своего разбора, не преминувъ, впрочемъ, сдѣлать трагику не слишкомъ-то лестныя замѣчанія. Оба были у меня, оба жаловались другъ на друга. Но съ Сенковскимъ, кому бы то ни было, опасно соперничать въ ядовитости.

8. «Библіотека для Чтенія», журналъ, издаваемый Смирдинымъ, порученъ на цензуру мнѣ. Это сдѣлано по особенной просьбѣ редакціи, которая льститъ мнѣ, называя «мудрѣйшимъ изъ цензоровъ».

Съ этимъ журналомъ мнѣ много заботъ. Правительство смотритъ на него во всѣ глаза. Ш...ны точать на него когти, а редакція такъ и рвется впередъ со своими нападками на всѣхъ и на все. Сверхъ того наши почтенные литераторы взбѣленились, что Смирдинъ платитъ Сенковскому 15 тысячъ рублей въ годъ. Каждому изъ нихъ хочется свернуть шею Сенковскому и вотъ я уже слышу восклицанія: — «Какъ это можно? Поляку позволили направлять общественный духъ! Да онъ революціонеръ! Чуть ли не онъ, съ Лелевелемъ, и произвели польскій бунтъ». Самъ Сенковскій доставляетъ мнѣ много хлопотъ своею настойчивостью. У меня съ нимъ частыя столкновенія. Однимъ словомъ, я осажденъ со всѣхъ сторонъ. Надо соединить три несоединимыя вещи: удовлетворить требованію правительства, требованіямъ писателей и требованіямъ своего собственнаго

внутренняго чувства. Цензоръ считается естественнымъ врагомъ писателей—въ сущности это и не ошибка.

9. Надо мною собиралась туча—я этого и не зналъ. Послѣ Ф. Ф. сдѣланъ членомъ Т. П., нѣкто въ родѣ нравственной гарпіи, жаждущей выслужиться чѣмъ бы то ни было. Онъ въ особенности хищенъ на цензуру. Ловить каждую мысль, грызеть ее, обливаешь ядовитою слюною и открываетъ въ ней намеки, существующіе только въ его низкой душѣ. Этотъ человекъ уже опротивѣлъ обществу, какъ холера. При прежнемъ министрѣ въ цензурѣ не проходило недѣли безъ какой нибудь исторіи, которую онъ пускалъ въ ходъ. Нынѣ вздумалъ онъ повторить прежнее. Въ первомъ номерѣ журнала «Библиотека для Чтенія» въ повѣсти Сенковского: «Жизнь женщины въ четырехъ часахъ», онъ привязался къ какой-то выходкѣ противъ начальниковъ канцелярій, принялъ ее за эпиграмму на себя, побѣждалъ къ Б., послалъ за Смирдинымъ, нашумѣлъ, накричалъ и уже распускалъ когти и на цензора. Къ счастью, его на этотъ разъ не послушали.

10. На Сенковского поднялся страшный шумъ. Всѣ участники въ «Библиотекѣ» пришли въ ужасное волненіе.

Разнесся слухъ, будто онъ позволяетъ себѣ статьи, поступающія къ нему въ редакцію, передѣлывать по своему.

Судя по его опрометчивости и характеру, довольно дерзкому, это весьма вѣроятно. У меня сегодня былъ Гоголь-Яновскій въ великомъ противъ него негодованіи.

Вотъ анекдотъ изъ нашей литературной хроники. Когда Смирдинъ выбиралъ для своего журнала редактора и не зналъ еще къ кому обратиться, является къ нему Павелъ Петровичъ Свиньинъ и, именемъ министра народнаго просвѣщенія, объявляетъ, что онъ назначенъ послѣднимъ въ редактора. На этомъ, пока, и остановилось дѣло.

Нѣсколько дней спустя, Смирдину попадобилось быть у министра.

— «Кто вашъ редакторъ?» спросилъ его тотъ.

— «Это еще не рѣшено, ваше высокопревосходительство, но Свиньинъ»...

— «Что, что», прервалъ его министръ, «неужели ты хочешь ввѣрить свой журналъ этому и... и л... Для меня все равно кого ты ни изберешь; это твое дѣло. Но я думаю, что журналъ твой умретъ, не родясь, какъ только публика узнаетъ, что редакторомъ его избранъ Свиньинъ».

Смирдинъ, что называется, остолбенѣлъ. Оказалось, что почтенный литераторъ просто хотѣлъ надуть его и не даромъ торопился заключеніемъ условій послѣ того, какъ объявилъ, что посланъ министромъ. Къ счастью, контрактъ еще не былъ подписанъ.

И сколько еще таких анекдотовъ изъ исторіи нашего современнаго образованія!

16. На Сенковского, наконецъ, воздвиглась политическая буря. Я получилъ отъ министра приказаніе смотрѣть какъ можно строже за духомъ и направленіемъ «Библиотеки для Чтенія». Приказаніе это такого рода, что если исполнять его въ точности, то Сенковскому лучше идти куда нибудь въ писаря, чѣмъ оставаться въ литературѣ. Министръ очень рѣзко говорилъ о его «площадныхъ остротахъ» и проч. Примѣтивъ во мнѣ желаніе возражать, министръ круто повернулъ разговоръ и немедленно затѣмъ отпустилъ меня. Говоря по совѣсти, я рѣшительно не знаю, чѣмъ виноватъ Сенковский, какъ литераторъ. Безвкусіемъ? Но это не касается правительства. Онъ не хвалитъ никого, а больше бранитъ, впрочемъ, его сатира общая. Конечно, я не могу поручиться за патріотическія или ультрамонархическія чувства его. Но то вѣрно, что онъ изъ боязни или изъ благоразумія никогда не выставляетъ себя либераломъ. Но чему тутъ удивляться? Вѣдь и баронъ Дельвигъ, человѣкъ слѣшкомъ лѣнивый, чтобы быть дѣятельнымъ либераломъ, былъ же обвиненъ въ неблагонамѣренномъ духѣ

Я сдѣланъ экстраординарнымъ профессоромъ русской словесности.

21. Былъ у министра благодарить его за повышеніе. Я былъ принятъ очень хорошо. Со мной вмѣстѣ произведенъ въ экстраординарные профессора Устряловъ. Опять тѣ-же рѣчи на счетъ Сенковского. Я говорилъ въ пользу Смирдина, стараясь отклонить бѣду отъ его журнала, который все-таки что нибудь да значить въ кругу нашего жалкаго образованія, или вѣрнѣе полуобразованія. Министръ сказалъ, что наложить тяжелую руку на Сенковского. Кажется, ему хочется, чтобы тотъ отказался отъ редакціи.

22. Я познакомился съ редакторомъ «Телескопа», профессоромъ Надеждинымъ. Мы обѣдали вмѣстѣ у Д. М. Княжевпча. Въ сочиненіяхъ его много педантства, а въ наружности и обращеніи мало замѣчательнаго. Не знаю, съ чего онъ взялъ, что я сдѣланъ членомъ «Общества любителей русской словесности» при московскомъ университетѣ: мнѣ объ этомъ ничего не извѣстно. Вчера онъ посетилъ меня. О «Телеграфѣ» онъ говоритъ довольно скромно и безъ браги, но жестоко негодуетъ на Кукольника, который написалъ бранчивый разборъ его рѣчи «О современномъ направленіи изящныхъ искусствъ».

26. Сенковский, наконецъ, принужденъ былъ отказаться отъ редакціи «Библиотеки». Впрочемъ, это только для виду. По крайней мѣрѣ, онъ попрежнему завѣдуетъ всѣми дѣлами журнала, хотя и напечаталъ въ «Пчелѣ» свое отреченіе. Въ публикѣ много шуму отъ

этого. Недоброжелатели Уварова сильно порицають его. Опъ, дѣйствительно, въ этомъ случаѣ поступилъ деспотически. Разнесся нелѣпый слухъ, что онъ меня назначаетъ на мѣсто Сенковскаго. Благодарю покорно!

27. Сенковскій былъ у меня. Онъ заподозрилъ меня въ какихъ-то козняхъ противъ него и вскипѣлъ негодованіемъ. Я не оправдывался и не спорилъ, а попросилъ его переговорить съ княземъ (Дондуковымъ - Корсаковымъ). Тотъ объяснилъ ему все дѣло и приказанія, данныя министромъ.

Послѣ того онъ опять приходилъ ко мнѣ для примиренія.

Онъ хотѣлъ было даже оставить университетъ и ѣхать за границу. Князь возвратилъ ему просьбу и успокоилъ его тѣмъ, что буря, на него воздвигнутая, временная. Буря эта, однако, привела его въ ярость, онъ разсвирѣпѣлъ, какъ тигръ, за которымъ гонялись, уязвляя его. Онъ весь сложенъ изъ страстей, которыя кипятъ и бушуютъ отъ малѣйшаго вѣшняго натиска.

Февраль 5. Вчера былъ я съ Кукольниковомъ на вечерѣ у вице-президента академіи художествъ, графа Федора Петровича Толстого. Семейство его образованно и пріятно. Тамъ встрѣтился я съ Лобановымъ, который въ патріотической ярости оплевывалъ со всѣхъ сторонъ бѣднаго Сенковскаго. Что это за люди эти педанты-патріоты, которые думаютъ, что, для того, чтобы прослыть народными, достаточно кричать, кричать, кричать во все горло: «давайте, будемъ патріотами, давайте, будемъ народными!» Они забываютъ, что прежде всего надо быть человѣкомъ и при томъ честнымъ. Патріотизмъ есть плодъ чести: а гдѣ у насъ эта честь...

10. Священникъ Сидонскій написалъ дѣльную философскую книгу: «Введеніе въ философію». Монахи за это отняли у него кафедру философіи, которую онъ занималъ въ Александро-Невской академіи. Удивляюсь, какъ они до сихъ поръ еще на меня не обрушились: я былъ цензоромъ этой книги.

Вотъ еще сказаніе о нихъ. Загоскинъ написалъ плохой романъ, подъ названіемъ «Аскольдова могила».

Московскіе цензора нашли въ ней что-то о Владимірѣ равноапостольномъ и рѣшили, что этотъ романъ подлежитъ разсмотрѣнію духовной цензуры. Отправили. Она въ конецъ растерзала бѣдную книгу. Загоскинъ обратился къ Бенкендорфу, и ему какъ-то удалось исходатайствовать позволеніе на напечатаніе ея, съ исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ. Но я надняхъ былъ у министра и видѣлъ бумагу къ нему отъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, съ жалобою на богомерзкій романъ Загоскина.

15. Какъ безцѣльны всѣ эти разгадыванія промысла Божія въ дѣлахъ человѣческихъ. Мы нынѣ, между прочимъ, ломаемъ головы надъ Иоанномъ IV и Русью въ его время. Карамзинъ представляетъ его какимъ-то романическимъ тираномъ; Полевой видитъ въ немъ великаго человѣка, «могучее орудіе» въ рукахъ Провидѣнія; Погодинъ же считаетъ его просто человѣкомъ ограниченнымъ. О Руси, ему современной, не менѣе толковъ, большею частью патріотическихъ.

Она обаграется кровью, тренецетъ въ судорожныхъ стонахъ подъ желѣзнымъ посохомъ Иоанна и все время смиренно говоритъ: «такъ угодно батюшкѣ По дѣламъ онъ душитъ насъ, смердящихъ псовъ, грѣшниковъ».

— «Какая доблесть!» восклицаютъ наши патріоты, «удивительный, великій народъ!»

Но, право, все это гораздо проще и логичнѣе. Иоаннъ—человѣкъ, рожденный съ сильной, энергической душою, испорченный дурнымъ воспитаніемъ, развращенный возможностью все дѣлать по своей волѣ, не находящій преградъ ей ни въ законѣ, ни въ общественномъ мнѣніи—и отъ всего этого звѣрь, чудовище, сумасшедшій—сумасшедшій отъ энергіи, разившейся среди страстей, которыя нигдѣ не встрѣчали себѣ узды. Это исторія всякаго человѣка. А Русь? Русь покорная раба, до полу-смерти забитая татарами и своими князьями, потонувшая въ фатализмъ христіанства, духъ коего былъ подавленъ буквою. Полевой, впрочемъ, знаетъ, почему оправдываетъ Иоанна: это гроза аристократовъ.

16. Московскіе ученые чудныя вещи пишутъ. Вотъ, напримѣръ, рѣчь Надеждина: «О современномъ направленіи искусства»; вотъ вступительная лекція Погодина объ исторіи, напечатанная въ первой книжкѣ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія». Всѣ эти господа кидаются на высокія начала; имъ хочется вывести все все изъ вѣчныхъ идей первообразовъ природы. Это бы ничего, если-бы у нихъ былъ ясный умъ и ясный языкъ. Тогда, по крайней мѣрѣ, мы увидѣли бы стройную систему, въ которой, если-бы и не было больше безусловной истины, чѣмъ въ другихъ системахъ, то, по крайней мѣрѣ, была бы поэзія.

Нѣтъ, они, какъ будто, стараются затмить одинъ другаго пышностью варварской терминологіи и туманнымъ краснорѣчіемъ. Надеждинъ, напримѣръ, столпъ вавилонскій почитаетъ изящнѣйшимъ произведеніемъ древняго зодчества, на коемъ почли тайны вѣковъ—первообразомъ древняго міра и проч.

Итакъ, мы безпрестанно удаляемся отъ природы и толкаемъ образованіе наше изъ общества въ школу.

Марлинскій или Бестужевъ, нося въ умѣ своемъ много, очень много свѣтлыхъ мыслей, выражаетъ ихъ какимъ-то варварскимъ наръчіемъ и думаетъ, что онъ удивителенъ по силѣ и оригинальности.

Это эпоха броженія идей и словъ — эпоха нашего младенчества. Что изъ этого выйдетъ? По общему закону все перерабатывается въ лучшее для будущихъ поколѣній. Но когда настанетъ это будущее?

25. Былъ на вечерѣ у Смирдина. Тамъ находились также Сенковскій, Гречъ и — недавно пріѣхавшій изъ Москвы — Полевой. Съ послѣднимъ я теперь только познакомился. Это изсохшій, блѣдный человѣкъ, съ физиономіей сумрачной, но и энергической. Въ наружности его есть что-то фанатическое. Говорить онъ не хорошо. Однако, въ рѣчахъ его — умъ и какая-то судорожная сила. Какъ бы ни судили объ этомъ человѣкѣ его недоброжелатели, которыхъ у него тьма, но онъ принадлежитъ къ людямъ необыкновеннымъ. Онъ себѣ одному обязанъ своимъ образованіемъ и извѣстностью — а это что нибудь да значить. При томъ онъ одаренъ сильнымъ характеромъ, который твердо держится въ своихъ правилахъ, не смотря ни на соблазны, ни на вражду сильныхъ. Его могутъ притѣснять, но онъ, кажется, мало объ этомъ заботится. — «Мнѣ могутъ», сказалъ онъ, «запретить изданіе журнала: что-же? я имѣю, слава Богу, кусокъ хлѣба и въ этомъ отношеніи ни отъ кого не завишу».

Онъ съ жаромъ возсталъ на Сенковского за его нападки на французскую юную словесность.

— «Что вы этимъ хотите сдѣлать?» сказалъ онъ ему — «у насъ не должно бы было бранить новую школу. Согласенъ, что въ ней много преувеличеннаго, но есть много и гениальнаго, а вы не щадите ничего. У васъ Викторъ Гюго наравнѣ съ какимъ нибудь бездарнымъ кропателемъ романовъ. Да при томъ, Осипъ Ивановичъ, не вы ли сами пользуетесь и мыслями, и даже слогомъ этихъ господъ, которыхъ такъ безпошадно браните».

Сенковскій отвѣчалъ, что ненависть его къ новой французской школѣ есть плодъ свободнаго убѣжденія; что онъ всего больше ненавидитъ французскихъ современныхъ писателей за ихъ вражду противъ семейнаго начала — единственнаго, которое дано въ удѣлъ человѣку!! Что касается до того, будто онъ подражаетъ французскимъ писателямъ, то это несправедливо. Еще юная словесность и не существовала, а онъ уже думалъ и писалъ, какъ думаетъ и пишетъ».

Послѣ этого Сенковскій сказалъ мнѣ, что онъ гораздо большаго ожидалъ отъ Полевого.

Полевой еще упрекалъ его за излишнія, преувеличенныя похвалы Кукольнику. На это Сенковскій ничего не нашелся сказать.

За всемъ этимъ послѣдовалъ отличный ужинъ съ отличными винами и съ неистощимымъ запасомъ анекдотовъ и каламбуровъ Греча.

27. Обѣдалъ у Сенковского. За столъ сѣли въ пять часовъ. Кушанье было отлѣнное, особенно вина, которыми хозяинъ много тщеславился.

Гречъ, по обыкновенію, смѣшилъ насъ своими анекдотами и эпиграммами. Сенковский человѣкъ чрезвычайно раздражительный. Онъ за каждую бездѣлицу бѣсилъ на своихъ людей и выходилъ изъ себя, хотя они служили очень хорошо.

Мартъ. 16. Сегодня было большое собраніе литераторовъ у Греча. Здѣсь находилось, я думаю, человѣкъ семьдесятъ. Предметъ засѣданія—изданіе энциклопедіи на русскомъ языкѣ. Это предпріятіе типографщика Плюшара. Въ немъ приглашены участвовать всѣ сколько нибудь извѣстные ученые и литераторы. Гречъ открылъ засѣданіе маленькою рѣчью о пользѣ этого труда и прочелъ программу энциклопедіи, которая должна состоять изъ 24-хъ томовъ и вмѣщать въ себѣ, кромѣ общихъ ученыхъ предметовъ, статьи, касающіяся до Россіи.

Засимъ, каждый подписывалъ свое имя на приготовленномъ листѣ подъ наименованіемъ той науки, по которой намѣренъ представить свои труды. Я подписался подъ статью: «Русская словесность». Но, видя, что листъ подъ заглавіемъ «Русскій языкъ» остается пустъ, я рѣшился и тутъ подписать свое имя, тѣмъ болѣе, что меня склонялъ къ этому Д. И. Языковъ, который изъяснилъ свое сожалѣніе о пустотѣ этого листа.

Пушкинъ и князь В. Ѳ. Одоевскій сдѣлали маленькую неловкость, которая многимъ не понравилась, а иныхъ и разсердила. Всѣ присутствовавшіе, въ знакъ согласія, просто подписывали свое имя, а тѣ, которые не согласны, просто не подписывали. Но князь Одоевскій написалъ: «Согласенъ, если это предпріятіе и условіе онаго будутъ сообразны съ моими предположеніями». А Пушкинъ къ этому прибавилъ: «Съ тѣмъ, чтобы моего имени не было выставлено». Многіе приняли эту шепетильность за личное себѣ оскорбленіе.

Послѣ засѣданія пили шампанское. Здѣсь видѣлъ я многихъ изъ знакомыхъ мнѣ литераторовъ: Плетнева, Кукольника, Масальскаго, Устрялова, Галича, священника Сидонскаго и проч., и проч.

Сидонскій рассказывалъ мнѣ, какому гоненію подвергся онъ отъ монаховъ (разумѣется отъ Филарета) за свою книгу: «Введеніе въ философію». Отъ него услышалъ я также забавный анекдотъ о томъ,

какъ Филаретъ жаловался Бенкендорфу на одинъ стихъ Пушкина въ «Онѣгинѣ», тамъ, гдѣ онъ, описывая Москву, говорить: «и стая галокъ на крестахъ». Здѣсь Филаретъ нашель оскорбленіе святыни. Цензоръ, котораго призывали къ отвѣту по этому поводу, сказалъ, что «галки, сколько ему извѣстно, дѣйствительно, садятся на крестахъ московскихъ церквей, но что, по его мнѣнію, виноватъ здѣсь болѣе всего московскій полицмейстеръ, допускающій это, а не поэтъ п цензоръ». Бенкендорфъ отвѣчалъ учтиво Филарету, что это дѣло не стоитъ того, чтобы въ него вмѣшивалась такая почтенная духовная особа: «еже писахъ, писахъ».

У насъ на образованіе смотрять, какъ на заморское чудище: по всюду устремлены на него рогатины; немудрено, если оно взбѣсится.

Апрѣль. 5. Московскій «Телеграфъ» запрещенъ по приказанію Уварова. Государь хотѣлъ сначала поступить очень строго съ Полевымъ. — «Но», сказалъ онъ потомъ министру, «мы сами виноваты, что такъ долго терпѣли этотъ безпорядокъ».

Вездѣ спльные толки о «Телеграфѣ». Одни горько сѣтуютъ, «что единственный хорошій журналъ у насъ уже не существуетъ».

— «Подѣломъ ему», говорятъ другіе: «онъ осмѣливался бранить Карамзина. Онъ даже не пощадилъ моего романа. Онъ либераль, якобинецъ—извѣстное дѣло» и т. д., и т. д.

9. Былъ сегодня у министра. Докладывалъ ему о нѣкоторыхъ романахъ, переведенныхъ съ французскаго.

«Церковь Божьей Матери» Виктора Гюго онъ приказалъ не пропускать. Однако, отзывался съ великой похвалою объ этомъ произведеніи. Министръ полагаетъ, что намъ еще рано читать такія книги, забывая при этомъ, что Виктора Гюго и безъ того читаютъ въ подлинникъ всѣ тѣ, для кого онъ считаетъ это чтеніе опаснымъ. Нѣтъ ни одной запрещенной иностранною цензурой книги, которую нельзя было бы купить здѣсь, даже у букинистовъ. Въ самомъ началѣ появленія «Исторіи Наполеона», сочиненія Вальтеръ-Скотта, ее позволено было имѣть въ Петербургѣ всего шести, или семи государственнымъ людямъ. Но въ это же самое время мой знакомый Очкинъ вымѣнялъ его у носильщика книгъ за какіе-то глухие романы. О повѣстяхъ Бальзака, романахъ Поль-де-Кока и повѣстяхъ Нодье онъ приказалъ составить для него записку.

Я представилъ ему еще сочиненіе или переводъ Пушкина: «Анджело». Прежде государь самъ разсматривалъ его поэмы, и я не зналъ, имѣю ли я право цензуровать ихъ. Теперь министръ приказалъ мнѣ поступать въ отношеніи къ Пушкину на общемъ основаніи. Онъ самъ прочелъ «Анджело» и потребовалъ, чтобы нѣсколько сти-

ховъ были исключены. Поэма эта или отрывокъ начата, новидимому, въ минуты одушевленія, но окончена слабѣе.

Министръ долго говорилъ о Полевомъ, доказывая необходимость запрещенія его журнала.

— Это проводникъ революціи, говорилъ Уваровъ, — онъ уже нѣсколько лѣтъ систематически распространяетъ разрушительныя правила. Онъ не любитъ Россіи. Я давно уже наблюдаю за нимъ; но мнѣ не хотѣлось вдругъ принять рѣшительныхъ мѣръ. Я лично совѣтовалъ ему въ Москвѣ укротиться и доказывалъ ему, что наши аристократы не такъ глупы, какъ онъ думаетъ. Послѣ былъ сдѣланъ ему официальный выговоръ: это не помогло. Я сначала думалъ предать его суду: это погубило бы его. Надо было отнять у него право говорить съ публикою—это правительство всегда властно сдѣлать и при томъ на основаніяхъ вполнѣ юридическихъ: ибо въ правахъ русскаго гражданина нѣтъ права обращаться письменно къ публикѣ. Это привиллегія, которую правительство можетъ дать и отнять, когда хочетъ.

— Впрочемъ, продолжалъ онъ, извѣстно, что у насъ есть партія, жаждущая революціи. Декабристы не истреблены: Полевой хотѣлъ быть органомъ ихъ. Но да знаютъ они, что найдутъ всегда противъ себя твердыя мѣры въ кабинетѣ государя и его министровъ. Съ Гречемъ или Сенковскимъ я поступилъ бы иначе: они трусы; имъ стоить погрозить гауптвахою, и они смирятся. Но Полевой— я знаю его: это фанатикъ. Онъ готовъ претерпѣть все за идею. Для него нужны рѣшительныя мѣры. Московская цензура была непростительно слаба.

10. Званъ сегодня къ Каратыгину, чтобы выслушать конецъ трагедіи Кукольника: «Ляпуновъ». Но три первые акта этого рабскаго писанія мнѣ слишкомъ опротивѣли. Я не поѣхалъ.

11. Случилось нѣчто, разстроившее меня съ Пушкинымъ. Онъ просилъ меня разсмотрѣть его «Повѣсти Бѣлкина», которыя онъ хочетъ печатать вторымъ изданіемъ. Я отвѣчалъ ему слѣдующее:

— «Съ душевнымъ удовольствіемъ готовъ исполнить ваше желаніе теперь и всегда. Да благословитъ васъ геній вашъ новыми вдохновеніями, а мы готовы».—Что сказать?—обрѣзывать крылья ему? По крайней мѣрѣ, рука моя не злоупотребитъ этпмъ.

— «Потрудитесь мнѣ прислать все, что означено въ запискѣ вашей, и увѣдомьте, къ какому времени вы желали бы окончанія этой тяжбы политическаго механизма съ искусствомъ, говоря просто, процензурованья» и т. д.

Между тѣмъ, къ нему дошелъ его «Анджело», съ нѣсколькими,

урѣзанными министромъ, стихами. Онъ взбѣсился: Смирдинъ платить ему за каждый стихъ по червонцу, слѣдовательно, Пушкинъ теряетъ здѣсь нѣсколько десятковъ рублей. Онъ потребовалъ, чтобы на мѣсто исключенныхъ стиховъ были поставлены точки, съ тѣмъ, однако-жь, чтобы Смирдинъ все-таки заплатилъ ему деньги и за точки!

12. Иванъ Андреевичъ Крыловъ написалъ три слабыя басни, какъ бы въ доказательство того, что талантъ его старѣеть. У него былъ договоръ со Смирдинымъ, въ силу котораго тотъ платилъ ему за каждую басню по 300 рублей: теперь онъ требуетъ съ него по 500 рублей, говоря, что собирается купить карету и ему нужны деньги!

14. Былъ у Илетнева. Видѣлъ тамъ Гоголя: онъ сердитъ на меня за нѣкоторыя непропущенныя мѣста въ его повѣсти, печатаемой въ «Новосельѣ». Бѣдный литераторъ! Бѣдный цензоръ!

Говорилъ съ Илетневымъ о Пушкинѣ: они друзья. Я сказалъ:

— Напрасно Александръ Сергѣевичъ на меня сердится. Я долженъ исполнять свою обязанность, а въ настоящемъ случаѣ ему причинилъ неприятность не я, а самъ министръ.

Илетневъ началъ бранить, и довольно грубо, Сенковскаго за статьи его, помѣщенныя въ «Библиотекѣ для Чтенія», говоря, что онѣ написаны для денегъ и что Сенковскій грабитъ Смирдина.

— Что касается до грабежа, возразилъ я, то могу васъ увѣрить, что ни одинъ изъ знаменитыхъ нашихъ литераторовъ не уступить въ томъ Сенковскому.

Онъ понялъ и замолчалъ.

15. Въ странномъ положеніи находимся мы. Среди людей, которые имѣютъ претензію дѣйствовать на духъ общественный, нѣтъ никакой нравственности. Всякое довѣріе къ высшему порядку вещей, къ высшимъ началамъ дѣятельности исчезло. Нѣтъ ни обществолюбія, ни человеколюбія; мелочной отвратительный эгоизмъ проповѣдуется тѣми, которые призваны наставлять юношество, насаждать образованіе или двигать пружинами общественнаго порядка.

Нравственное безчупіе, цинизмъ обуялъ души до того, что о благородномъ, о великомъ говорятъ съ насмѣшкою даже въ книгахъ. Сословіе людей, сильныхъ умомъ, литераторовъ, наиболѣе погрязло въ этомъ цинизмѣ. Они въ своихъ произведеніяхъ восхваляютъ чистую красоту, а сами исполнены нравственнаго безобразія. Они говорятъ объ идеяхъ, а сами живутъ безъ всякаго сознанія высшихъ потребностей духа, выставляютъ въ жизни своей самыя позорныя стороны житейскихъ страстей.

Можетъ быть, и всегда такъ было, но отъ иныхъ причинъ. При-

чина пынѣшняго нравственнаго паденія у насъ, по моему наблюденію, въ политическомъ ходѣ вещей. Настоящее поколѣніе людей мыслящихъ не было таково, когда, исполненное свѣжей юношеской силы, оно впервые вступало на поприще умственной дѣятельности. Оно не было проникнуто такпмъ глубокимъ безвѣріемъ, не относилось такъ цинично ко всему благому и прекрасному. Но (прежнее) объявило себя врагомъ всякаго умственнаго развитія, всякой свободной дѣятельности духа. Не уничтожая ни наукъ, ни ученой администраціи, оно, однако, до того затруднило насъ цензурою, частными преслѣдованіями и общимъ направленіемъ къ жизни чуждой всякаго нравственнаго самопознанія, что мы вдругъ увидѣли себя въ глубинѣ души какъ бы запертыми со всѣхъ сторонъ, отторженнымъ отъ той почвы, гдѣ духовныя силы развиваются и совершенствуются.

Сначала мы судорожно рвались на свѣтъ. Но когда увидѣли, что съ нами не шутятъ, что отъ насъ требуютъ безмолвія и бездѣйствія, что талантъ и умъ осуждены въ насъ цѣпенѣть и гноиться на днѣ души, обратившейся для нихъ въ тюрьму; что всякая свѣтлая мысль является преступленіемъ противъ общественнаго порядка, когда, однимъ словомъ, намъ объявили, что люди образованные считаются въ нашемъ обществѣ паріями; что оно пріемлетъ въ свои нѣдра одну бездушную покорность, а солдатская дисциплина признается единственнымъ началомъ, на основаніи котораго позволено дѣйствовать—тогда все юное поколѣніе вдругъ нравственно оскудѣло. Всѣ его высокія чувства, всѣ идеи, согрѣвавшія его сердце, воодушевлявшія его къ добру, къ истинѣ, сдѣлались мечтами безъ всякаго практическаго значенія—а мечтать людямъ умнымъ смѣшно. Все было приготовлено, настроено и устроено къ нравственному преуспѣянію—и вдругъ этотъ складъ жизни и дѣятельности оказался несвоевременнымъ, негоднымъ; его пришлось ломать и на развалинахъ строить канцелярскія камеры и солдатскія будки.

Но, скажутъ, въ это время открывали новые университеты, увеличили штаты учителямъ и профессорамъ, посылали молодыхъ людей за границу для усовершенствованія въ наукахъ.

Это значило еще увеличивать массу несчастныхъ, которые не знали куда дѣться со своимъ развитымъ умомъ, со своими требованіями на высшую умственную жизнь.

Вотъ картина нашего положенія: оно незавидно. Мудрено ли теперь, что мы, воспитавъ себя для высшаго назначенія и уничтоженные въ собственныхъ глазахъ, кидаемся, какъ голодныя собаки, на всякую падалъ, лишь бы доставить какую нибудь пищу нашимъ силамъ.

Конечно, и у насъ есть люди, нынѣ дѣйствующіе въ другомъ духѣ, но ихъ очень мало и они слишкомъ безсильны, слишкомъ робки, слишкомъ недовѣрчивы къ собственнымъ, чистымъ побужденіямъ, чтобы могли перетянуть вѣсы на сторону добра; есть затворники, постники, которые рѣшились пребыть до конца вѣрными своимъ идеямъ и лучше задохнуться, чѣмъ измѣнить имъ. Но эти люди исключеніе, и они несчастіе первыхъ, ибо не вкушаютъ сладости, даже минутнаго забвенія. Ничего удивительнаго, если вны изъ молодыхъ людей доходятъ до самоубійства, какъ то было съ нашимъ Поповымъ.

Конечно, эта эпоха пройдетъ, какъ и все проходить на землѣ; но она можетъ затянуться надолго, на пятьдесятъ, на шестьдесятъ лѣтъ. Тѣмъ временемъ успѣешь умереть въ этой глухой, дикой, каменной Аравіи, вдали отъ Земли Святой, отъ Сіона, гдѣ можно жить и пѣть высокія пѣсни. Увы!

Рабы, влачащіе оковы,
Высокихъ пѣней не поютъ.

28. Праздники. Балаганы. Леманъ. Косморама. Бродилъ въ толпѣ съ Делемъ, Гебгардтомъ и Чижовымъ. Завтракали у Фейльета... Нигдѣ душевная пустота не ощущается такъ сильно, какъ среди праздничной толпы и суеты.

Май 7. Сегодня было собраніе энциклопедистовъ у Греча. Я избранъ редакторомъ по части словесности. Всѣ довольно согласны въ цѣли и въ мѣрахъ. Одинъ Атрѣшковъ безпрестанно требовалъ поясненій. Положено начертать первоначально русскій алфавитъ предметовъ, которые подлежатъ обработкѣ.

Въ третьемъ номерѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» напечатана статья профессора философіи въ Страсбургѣ Ботэна. Онъ говоритъ, что всѣ философіи вздоръ, и что всему надо учиться въ Евангеліи.

Министръ приказалъ, чтобы профессора философіи и наукъ, съ нею соприкосновенныхъ, во всѣхъ нашихъ университетахъ руководились этою статьей въ своемъ преподаваніи.

14. Сегодня было опять у Греча собраніе литераторовъ. Состоялся выборъ остальныхъ редакторовъ «Энциклопедическаго словаря». Здѣсь встрѣтился я съ Кукольниковъ. Онъ ишетъ новую драму «Роксолана». Положено опять читать у меня «Джуліо Мости», въ исправленномъ видѣ. Онъ спрашивалъ моего мнѣнія о «Ляпуновѣ». Что могъ я сказать? По возможности меньше огорчить его моими мыслями на счетъ поддѣльнаго патріотизма. Я совѣтовалъ ему бросить службу.

Онъ со мной согласенъ. Съ удовольствіемъ, между прочимъ, замѣтилъ я слѣдующій благородный поступокъ Кукольника. «Ляпунова» своего онъ подарилъ Каратыгину, тогда какъ, судя по тому, какъ принята его «Рука Всевышняго», онъ могъ бы получить за него отъ театральной дирекціи славныя деньги. Это прекрасно съ его стороны въ такое время, когда, такъ называемые, знаменитые наши литераторы требуютъ только денегъ, денегъ и денегъ.

29. Смирдинъ истинно честный и добрый человѣкъ, но онъ не образованъ и, что всего хуже для него, не имѣетъ характера. Наши литераторы владѣютъ его карманомъ, какъ арендою. Онъ можетъ раззориться по ихъ милости. Это было бы настоящимъ несчастіемъ для нашей литературы! врядъ ли ей дождаться другаго такого безкорыстнаго и простодушнаго издателя. Я не разъ предостерегалъ его. Но есть рокъ, отъ котораго нельзя защититься—это наша собственная слабость.

30. Вотъ и конецъ мая, а только вчера, да сегодня небо и воздухъ похожи на майскіе. Я былъ на дачѣ у Александра Максимовича Княжевича и у Деля. Заходилъ на минуту къ Плетневу: тамъ встрѣтилъ Пушкина и Гоголя; первый почтилъ меня холоднымъ камеръ-юнкерскимъ поклономъ.

Іюнь. 10. Былъ на представленіи Александра, чревоущителя, мимика и актера. Удивительный человѣкъ! Онъ игралъ пьесу: «Пароходъ», гдѣ исполнялъ семь ролей и всѣ превосходно. Роли эти: влюбленнаго молодого человѣка, англичанина лорда, пьянаго кучера, старой кокетки, тацовщицы, кормилицы съ ребенкомъ и стараго горбуна, волокиты. Быстрота, съ которой онъ превращается изъ одного лица въ другое, перемѣняетъ костюмъ, фізіономію, голосъ, просто изумительна. Не вѣришь своимъ глазамъ. Едва одно дѣйствующее лицо ступило со сцены за дверь—вы слышите еще голосъ его, видите конецъ платья—а изъ другой двери уже выходитъ тотъ-же Александръ въ образѣ другаго лица. Онъ говоритъ за десятерыхъ, дѣйствуетъ за десятерыхъ; въ одно время бываетъ и здѣсь, и тамъ. Необычайное искусство!

11. Я недавно сблизился съ однимъ молодымъ писателемъ Тимоѣевымъ. Это совершенно новое и пріятное для меня явленіе. Онъ одаренъ пламеннымъ воображеніемъ, энергіей и талантомъ писателя. Доказательствомъ того служатъ его: «Поэтъ» и «Художникъ», двѣ пьесы, исполненныя мыслей и чувствъ. Онъ совершенно углубленъ въ самого себя, дышетъ и живетъ въ своемъ внутреннемъ мірѣ страстями, которыя служатъ для него источникомъ мукъ и наслажденій. Службой онъ почти не занимается и можетъ не заниматься, потому

что имѣеть деньги и не имѣеть русскаго честолюбія, т. е. страсти къ чинамъ и орденамъ. Всегда задумчивъ, съ привлекательной фізіономіей. Ему 23 года. Первоначально насъ свела цензура. Я не могъ допустить къ печати его пьесъ безъ исключеній и измѣненій: въ нихъ много новыхъ и смѣлыхъ идей. Вездѣ прорывается благородное негодованіе противъ рабства, на которое осуждена большая часть нашихъ бѣдныхъ крестьянъ. Впрочемъ, онъ только поэтъ: у него нѣтъ никакихъ политическихъ замысловъ. Онъ внушаетъ мнѣ большую симпатію. Цензурные споры наши не имѣли никакого вліянія на нашу дружескую связь. А между тѣмъ у насъ было такое дѣло, которое легко могло бы вызвать его неудовольствіе. Въ прошедшемъ году я пропустилъ его драму: «Счастливецъ». Пока она печаталась, направленіе нашей цензуры такъ измѣнилось, что эта пьеса не можетъ быть выпущена безъ дурныхъ послѣдствій для меня. Я не имѣю право ее остановить, ибо она уже вся напечатана. Тимофеевъ могъ бы требовать ея выпуска. Изъ этого возникъ бы шумъ, я сдѣлался бы жертвою его или же долженъ былъ бы принять на себя типографскія издержки. Тимофеевъ самъ предложилъ мнѣ пріостановить выпускъ его драмы. Теперь она лежитъ въ моемъ столѣ, выжидая удобной минуты выползти на свѣтъ.

12. Надняхъ я имѣлъ серьезный разговоръ съ Гебгардтомъ. Мнѣ больно видѣть, какъ этотъ благородный, богато одаренный человекъ расточаетъ свои силы на пустяки. Онъ читаетъ только или мелочи, или французскіе романы; не старается сдружиться съ кабинетной жизнью, не занимается предметами, которые развиваютъ умъ и укрѣпляютъ волю. Его стихія — политика. Но, какъ умный человекъ, онъ долженъ понять, что у насъ нѣтъ поприща для политической дѣятельности. Однако, мы можемъ и должны расширять кругъ нашей нравственной жизни.

21. Посѣтилъ меня Колмыковъ, надняхъ пріѣхавшій изъ Берлина. Онъ, въ числѣ другихъ студентовъ, былъ посланъ туда для усовершенствованія въ правахъ. Черезъ него получилъ я письмо отъ Печорина.

Я о многомъ разспрашивалъ его. Онъ слушалъ, между прочимъ, Шеллинга. Послѣдній дѣйствительно перемѣнилъ свою систему и, какъ говорятъ въ Германіи, сдѣлалъ это только изъ желанія идти наперекоръ гегелистамъ. Побужденіе достойное убѣжденнаго философа. Въ Берлинѣ же теперь пользуется особеннымъ расположеніемъ учащейся молодежи профессоръ Гансъ. Пруссаки очень любятъ своего короля. Русскихъ вездѣ въ Германіи, не исключая и Берлина, ненавидятъ. Знаменитый Крейцеръ самъ сказалъ Колмыкову, послѣ

взятія Варшавы, что отнынѣ питаетъ къ намъ рѣшительную ненависть. Одна дама пришла въ страшное раздраженіе, когда нашъ бѣдный студентъ разъ какъ-то вздумалъ защищать своихъ соотечественниковъ. — «Это враги свободы», кричала она, — «это гнусные рабы!»

И послѣдній мой экзаменъ сошелъ не дурно. По окончаніи его мы трое: Плетневъ, Шульгинъ и я, отправились къ первому. Здѣсь составился родъ конфедерации для противодѣйствія въ университетѣ всякому нечистому духу въ ученomъ и нравственномъ отношеніи. Мы дали другъ другу слово сохранять строгое безпристрастіе при переводѣ студентовъ на высшіе курсы и при раздачѣ ученыхъ степеней; бить, сколь возможно, схоластику и т. д. Оба мои товарища сильно вооружены противъ профессора философіи Фишера, котораго поддерживаетъ министръ.

Немного спустя, мы пошли къ князю (Дондукову) и тутъ безпристрастіе наше встрѣтило свой первый камень преткновенія: Плетневъ просилъ попечителя за плохаго студента, брата одного изъ своихъ друзей.

29. Вышелъ скучный романъ Греча: «Черная женщина». Не удивительно, что Гречъ написалъ плохой романъ, но удивительно, что Сенковскій расхваливаетъ его самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Третьяго дня я былъ у Смирдина. Спрашиваю:

— Какъ идетъ романъ Греча?

— Плохо, отвѣчаетъ онъ, — всѣ жалуются на скуку и не покупаютъ.

Вчера же Сенковскій приносилъ ко мнѣ для процензурованія рецензію на этотъ романъ, гдѣ объявляетъ, что это новое произведеніе необычайнаго генія Николая Ивановича имѣетъ успѣхъ невѣроятный; всѣ отъ него въ восторгѣ и раскупаютъ съ такою жадностью, что скоро отъ него не останется въ продажѣ ни одного экземпляра. Провинциалы этому повѣряютъ и въ самомъ дѣлѣ бросаются покупать книгу. Авторъ и пріятель его Сенковскій объявятъ, что романъ весь разошелся и будутъ выставлять это, какъ доказательство достоинствъ романа: въ толпѣ Гречъ прослыветъ великимъ романпстомъ и соберетъ деньги.

Іюль 16. Завтра отправляюсь въ путешествіе съ княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ. Цѣль этого путешествія обзорніе учебныхъ заведеній въ Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерніяхъ. Гимназіи нашъ главный предметъ. Изъ Вологды мы направимся черезъ Ярославль въ Москву и оттуда уже обратно въ Петербургъ.

17. Въ Шлюссельбургѣ мы ночевали. Трактиръ здѣсь настоящій кабакъ, наполненный тараканами. Но это не помѣшало мнѣ, завер-

нувшись въ шинель, отлично заснуть. По утру мы пошли осматривать училище. По внѣшнему и внутреннему виду оно еще хуже трактира. Смотритель пьяный. Потомъ мы въ лодкѣ переѣхали въ крѣпость. Она занимаетъ цѣлый островокъ у самаго устья Невы. Насъ не пустили въ то отдѣленіе, гдѣ содержатся государственные преступники. Въ крѣпости живетъ только комендантъ съ маленькимъ гарнизономъ. Печальная жизнь. Намъ показали мѣсто заключенія императора Иоанна.

19. Мы были въ Новой Ладогѣ, гдѣ и ночевали въ училищѣ.

Новая Ладога—прескверный городишко: ничѣмъ не лучше Шлюс-сельбурга.

20. Лодейное Поле—пасквиль на городъ. Здѣсь нѣтъ никакого училища, да и не для кого было бы ему тутъ быть. Надъ самую рѣкой я встрѣтилъ, впрочемъ, нѣчто любопытное: памятникъ Петру Великому, воздвигнутый здѣшнимъ купцомъ Софроновымъ. Это пирамидка, въ родѣ той, что на Васильевскомъ острову въ Петербургѣ, которая называется Румянцевскою—только въ миниатюрѣ. На пирамидкѣ надпись: «На томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда былъ дворецъ императора Петра I, да знаменуетъ слѣды Великаго сей скромный, простымъ усердіемъ воздвигнутый памятникъ—усердіемъ слб. купца 2-й гильдіи, Мирона Софронова». Право, не дурно, ибо просто, безъ всякой риторики.

Нетерпѣливо желали мы поскорѣй доѣхать до Свирскаго монастыря, разсчитывая тамъ и нравственно, и физически отдохнуть отъ утомительнаго однообразія. Надежда наша не сбылась. Мы нашли тамъ архимандрита, мужиковатаго монаха, такого же казначея и нѣсколько другихъ монаховъ, грубыхъ и невѣжественныхъ. Мѣстоположеніе монастыря тоже обмануло наши ожиданія. Мы отслушали обѣдню, приложились къ мощамъ Александра Свирскаго, осмотрѣли ризницу, которая очень небогата, но въ большомъ порядкѣ. Показывали намъ еще гробъ, въ который былъ переложень преподобный Александръ тотчасъ послѣ того, какъ были открыты его мощи: это родъ корыта, выдолбленнаго въ толстомъ деревянномъ отрубкѣ, съ особеннымъ мѣстомъ для головы. Видѣли мы и посохъ святаго: отъ него осталась только половина—другая разнесена по кусочкамъ усердными богомольцами.

Наконецъ, мы пріѣхали въ Олонецъ. Это не городъ по виду, а плохая деревня, раскинутая на большомъ пространствѣ по берегу рѣки. Мы остановились въ домѣ городского главы. Къ намъ явились смотритель училища, учителя, городничій и исправникъ. Хозяинъ человекъ очень гостепріимный. У него встрѣтили мы одного купца,

который держать у себя въ домѣ для дочерей гувернантку, бывшую воспитанницу Воспитательнаго дома. Этотъ купецъ, съ бороною, въ длиннополомъ сюртукѣ, а дочери его учатся лепетать по французски. Я пытался съ ними разговаривать, но онѣ дико на меня смотрѣли или отворачивались.

Олоонецъ крайне бѣдный городъ. Нѣкоторые изъ учениковъ училища утро проводятъ въ школѣ, а затѣмъ идутъ просить милостыню. Между жителями уже много кореловъ и немедленно за Олонцемъ начинается настоящая Корелія. Насъ предупреждали, что этотъ народъ очень грубъ и золь. Но мы до самаго Петрозаводска попадали все на людей привѣтливыхъ и услужливыхъ. Живутъ они опратно. Въ ихъ жилищахъ чистые полы и скамьи; вездѣ самоваръ и чашки, изъ которыхъ можно безопасно пить. И таракановъ мы что-то не видѣли. Здѣшніе корелы довольно зажиточны. Они занимаются разными промыслами по воднымъ сообщеніямъ, которыми оживляется вся эта довольно пустынная страна. Но въ Пудожскомъ и Повѣнецкомъ уѣздахъ, говорятъ, они очень бѣдны; питаются древесною корой. У кореловъ свой собственный языкъ, но они все довольно хорошо изъясняются по русски. Ихъ языкъ пріятенъ; въ немъ изобиліе гласныхъ буквъ.

Отъ Олонца до Петрозаводска вся мѣстность взрыта волнами океана, которыя нѣкогда покрывали ее и, удалясь, оставили на ней слѣды своихъ набѣговъ: камни и волнообразнаго вида холмы. Есть мѣста дикія, но живописныя. Безпрестанно мелькаютъ озера. Въ общемъ природа здѣсь угрюма—вездѣ лѣса, лѣса, безконечные лѣса.

22. Мы пріѣхали въ Петрозаводскъ въ три часа утра. Квартиру намъ отвели въ домѣ купца Костина. У него нашель я удивительный кустъ мѣсячной розы: это своего рода исполинъ. Онъ занимаетъ цѣлый уголь большой и высокой комнаты, упирается въ потолокъ и весь покрытъ цвѣтами. Подъ нимъ можно найти защиту отъ солнца.

Въ этотъ день мы осмотрѣли классы, бібліотеку и всю гимназію. Обѣдали у директора Троицкаго. Это человекъ не глупый и его любятъ въ городѣ. Былъ я еще у архіерея Игнатія: онъ не старъ, образованъ и очень любезенъ. Его здѣсь все уважаютъ: онъ строгъ къ духовенству, но не менѣе строгъ и къ самому себѣ. Между прочимъ, встрѣтилъ я Армстронга, который познакомилъ меня съ своимъ братомъ, начальникомъ здѣшняго литейнаго завода, Романомъ Адамовичемъ, отличнымъ знатокомъ своего дѣла. Вечеромъ былъ приглашенъ на балъ къ одному изъ здѣшнихъ почетныхъ чиновниковъ: дамы танцовали съ ужимками, а кавалеры все очень необразованны; ничего не читаютъ, кромѣ «Сѣверной Пчелы», въ которую

вбрують, какъ въ священное писаніе. Когда ее цитируютъ—должно умолкнуть всякое противорѣчіе. Впрочемъ, молодые люди въ обществѣ вели себя вполне пристойно.

23. Экзаменовали учениковъ гимназіи. Копасовъ хорошій учитель. Здѣсь еще процвѣтаетъ система заучиванія наизусть—впрочемъ, гдѣ она у насъ еще не процвѣтаетъ? Обѣдали у вице-губернатора: онъ очень скучаетъ и рвется отсюда всѣми силами. Вечеръ я провелъ очень пріятно у милой моей ученицы Александры Алексѣевны Корибутовой, институтки прошлаго выпуска. Она до слезъ мнѣ обрадовалась: грустно живетъ ей здѣсь. Она очень одинока. Прочія дѣвицы называютъ ее въ насмѣшку «ученою» и распускаютъ на ея счетъ разные сплетни въ отмщеніе за ея нравственное превосходство надъ ними.

24. Осматривали семинарію. Намъ ее показывалъ самъ архіерей. Учениковъ не было, по причинѣ каникулярнаго времени. Зданіе обѣдно и неопратно. Я долго говорилъ съ профессоромъ словесности. Это очень не глупый монахъ и знакомый съ новыми идеями. Осматривали также соборъ: онъ не отличается ни богатствомъ, ни благолѣпіемъ.

25. Армстронгъ показывалъ намъ литейный заводъ. При насъ отлили пушку. Мы все разсматривали до мельчайшихъ подробностей. Въ магазинѣ при заводѣ я купилъ нѣсколько галантерейныхъ мелочей, прекрасно сдѣланныхъ изъ чугуна. Мы обѣдали у бывшаго губернатора Логинова, а затѣмъ отправились въ дальнѣйшій путь. Когда мы проходили мимо дома Корибутовой, она стояла у окна, отирая слезы. Бѣдная дѣвушка: наше посѣщеніе дѣйствительно было для нея явленіемъ изъ другаго лучшаго міра, изъ котораго она чуть ли не навсегда изгнана. Петрозаводскъ плохой городъ, отброшенный въ глубину лѣсовъ отъ образованнаго міра: казалось бы и близко отъ Петербурга, но какъ далеко! Мѣстоположеніе, однако, красивое. Онъ на берегу обширнаго Онежскаго озера.

Большая часть Петрозаводскаго уѣзда населена корелами, принадлежащими литейному заводу: онъ владѣетъ двадцатью двумя тысячами крестьянъ. Мнѣ пришлось говорить съ нѣкоторыми: они довольны своимъ положеніемъ и не нахвалятся Армстронгомъ. Съ любовью также вспоминаютъ объ отцѣ послѣдняго, до него управлявшемъ заводомъ: называютъ его отцомъ и благодѣтелемъ.

Въ Вытегру мы пріѣхали ночью. По утру осматривали училище и нашли его въ отличномъ порядкѣ. Вытегра порядочный городокъ. Замѣчательны здѣсь шлюзы, особенно хорошо отдѣланныя со времени посѣщенія графа Толя, дѣлавшаго обзоръ всѣмъ воднымъ сообщеніямъ.

Но вотъ и Каргополь. Завидѣвъ издали куполы его многочисленныхъ церквей, мы ожидали увидѣть порядочный городъ. На самомъ дѣлѣ онъ гораздо хуже Вытегры и очень бѣденъ: дома въ немъ осунувшіеся, полуразвалившіеся. Церквей зато двадцать двѣ и два монастыря.

Въ училищѣ мы застали только одного учителя. Онъ когда-то служилъ унтеръ-офицеромъ въ Лубенскомъ гусарскомъ полку, а теперь обучаетъ русской грамотѣ. Я смотрѣлъ ученическія тетради и нашелъ, что учитель, поправляя учениковъ въ анализѣ, самъ часто ошибался въ падежахъ, склоненіяхъ и т. д.

Со вѣздомъ въ Архангельскую губернію точно теряешь слѣдъ человѣческаго существованія. Проѣзжаешь безконечныя станціи и не встрѣчаешь лица человѣческаго. Въ мрачныхъ лѣсахъ обитаетъ безмолвіе. Развѣ только изрѣдка въ глубинѣ дикаго бора раздастся трескъ сучьевъ подъ ногою медвѣдя или промелькнетъ на вѣткахъ лиственницы рѣзвая бѣлка. Станціи представляютъ изъ себя группу въ три, четыре хижины, обитатели которыхъ занимаются преимущественно охотою. Но и хлѣбопашество здѣсь тоже процвѣтаетъ. Вообще по пути отъ самаго Петербурга и до Архангельска часто встрѣчаются богатая жатвы. Въ этихъ же мѣстахъ особенно хорошо родится ячмень.

Верстахъ въ шестидесяти отъ Холмогоръ мы заѣхали въ старинный Сійскій монастырь. Насъ очень любезно принялъ архимандритъ Веніаминъ, показавшійся мнѣ лукавымъ монахомъ. Мы здѣсь пробыли около четырехъ часовъ. Сначала осмотрѣли церковь: архитектура ея очень древняя и иконостасъ также. Потомъ архимандритъ повелъ насъ въ ризницу, гдѣ мы нашли много любопытнаго, между прочимъ, Евангеліе, до того объемистое, что его не въ силахъ поднять одинъ человѣкъ. Оно писано прекраснымъ почеркомъ и одною рукой. На поляхъ искусно иллюстрированы сухими красками всѣ главные происшествія изъ жизни Христа. Этотъ трудъ навѣрное стоилъ большую половину одной человѣческой жизни. Преданіе приписываетъ этотъ трудъ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ. Но чей бы онъ ни былъ—онъ въ своемъ родѣ замѣчательное произведеніе по великолѣпнѣю и даже искусству живописи и письма и по усердію, воодушевлявшему художника. Евангеліе это не можетъ принадлежать глубокой древности: по нѣкоторымъ несомнѣннымъ признакамъ, его относятъ къ 7201 году, по старому русскому лѣтосчисленію.

Въ ризницѣ также много драгоценной церковной утвари, пожертвованной бояриномъ Милославскимъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

Не менѣ любопытна и библиотека монастырская. Въ ней много рукописныхъ книгъ и въ томъ числѣ два Евангелія на пергаментѣ, безъ означенія года. Судя по тексту, они должны быть очень древнія: текстъ этотъ принадлежить къ первымъ эпохамъ славянскаго языка. Тутъ-же судебникъ Иоанна Грознаго, нѣсколько грамотъ за собственноручною подписью русскихъ царей—самая древняя Василия Иоанновича; другія: Иоанна Грознаго, его сына Феодора, Бориса Годунова, Лжедмитрія и Владислава, польскаго королевича. На этой послѣдней означено, что она дана въ Москвѣ. Всѣ онѣ касаются частныхъ дѣлъ монастыря. Одна только имѣетъ болѣе важное историческое значеніе: это грамота Бориса Годунова о Филаретѣ Никитичѣ Романовѣ. Годуновъ предписываетъ настоятелю монастыря смотрѣть крѣпко за симъ опальнымъ старцемъ, который «лаится» и бьетъ монаховъ—однако, повелѣваетъ не дѣлать ему никакого насилия. Грамота эта, кажется, напечатана въ «Русской Библюеикѣ», но здѣсь ея подлинникъ. Показывали намъ мѣсто, гдѣ былъ пострижень Филаретъ, и крестъ, который онъ носилъ на себѣ. Въ заключеніе архимандритъ открылъ ящикъ съ надписью: «Дѣла о немаловажныхъ колодникахъ», которые ссылаемы были въ Сійскій монастырь на покаяніе. Однако-жъ, изъ «немаловажныхъ колодниковъ» мы не нашли ни одного государственнаго или замѣчательнаго лица. Поблагодаривъ архимандрита за все интересное, что онъ намъ показалъ, мы продолжали путь.

30. Ночью пріѣхали въ Холмогоры. Отсюда начинаются тѣ роскошныя луга, на которыхъ пасутся пзвѣстныя холмогорскія коровы. Двина постепенно расширяется и, наконецъ, у Архангельска разливается въ настоящій морской заливъ.

31. Мы уже въ Архангельскѣ и остановились въ домѣ гражданскаго губернатора Ильи Ивановича Огарева, который принялъ насъ съ искреннимъ радушіемъ.

Замѣчанія въ Архангельскѣ.

31 мы отдыхали. Я собиралъ свѣдѣнія о здѣшнемъ краѣ. Губернаторъ сообщилъ мнѣ много интереснаго. Городъ раздѣляется на двѣ части: нѣмецкую и русскую. Торговля въ рукахъ иностранцевъ — сосредоточивается, главнымъ образомъ, въ домѣ Бранта, состоящемъ изъ девяти братьевъ. Восемь изъ нихъ живутъ въ разныхъ частяхъ свѣта, но зависятъ отъ старшаго брата, который здѣсь пребываетъ. Капиталь вхъ простирается до 20 милліоновъ рублей. У нихъ масса

кораблей, на которыхъ они вывозятъ изъ Архангельска ленъ, пеньку, сало, дѣсь и привозятъ колоніальные товары.

Нѣмецкая часть города отличается опрятностью и миловидностью домиковъ. Русскіе купцы живутъ въ грязи и торгуютъ, какъ плуты. Пьянство въ большомъ ходу. Губернаторъ жаловался, что у него нѣтъ ни одного чиновника, который не былъ бы воръ, или пьяница. Онъ долженъ наблюдать за ними, какъ за испорченными дѣтьми. Чтобы они по возможности меньше пили, онъ старается ихъ держать больше при себѣ, часто заставляетъ съ собою затракать и обѣдать. Кто не явился по приглашенію, за тѣмъ ужъ приходится посылать дрожки, чтобы привести хоть пьянаго. Надо сначала его отрезвлять, а затѣмъ уже поручать ему дѣло. Въ случаяхъ сватовства, родственники невѣсты, наводя справки о женихѣ, уже не спрашиваютъ, трезвый-ли онъ человѣкъ, а спрашиваютъ: «каковъ онъ во хмѣлю?»—ибо первое почти немисливо. Большинство и чиновниковъ, и другихъ городскихъ обывателей косвѣютъ въ невѣжествѣ.

За обѣдомъ у губернатора былъ нѣкто Горегладъ (?), по доносу жандармовъ сосланный въ Мезень. Губернаторъ взялъ его къ себѣ для разныхъ порученій. Онъ человѣкъ довольно образованный. Живя въ Мезенѣ, выучился столярному и токарному ремесламъ и изготовляетъ изъ кости прелестныя, художественныя вещицы. Онъ долго жилъ съ самоѣдами и началъ было составлять азбуку ихъ языка, но мезенскій городничій запретилъ ему это.

Августъ 1. Осматривали гимназическій домъ: онъ ветхъ и гадокъ, Были въ соборѣ, гдѣ служилъ обѣдню архіерей. Намъ показывали крестъ, сдѣланный самимъ Петромъ Великимъ и водруженный имъ на берегу Бѣлаго моря. На немъ голандская надпись, гласящая, что онъ сдѣланъ капитаномъ Петромъ.

Посѣтили мы и Соловецкій монастырь. Островъ Соловецкій имѣетъ семнадцать верстъ въ ширину и двадцать пять въ длину. Монастырь на немъ одинъ изъ древнѣйшихъ въ Россіи. Монаховъ насчитывается болѣе ста. Замѣчательно при монастырѣ отдѣленіе, гдѣ содержатся государственные преступники. Они ссылаются сюда на безсрочное заточеніе, большею частью на всю жизнь. Нынѣ сихъ несчастныхъ сорокъ человѣкъ—между прочимъ два студента московскаго университета, за участіе въ заговорѣ противъ государя. Недавно одинъ изъ заключенныхъ, Горажанскій, сосланный въ монастырь за соучастіе съ декабристами, въ припадкѣ сумасшествія, убилъ сторожа. Каждый изъ заключенныхъ имѣетъ отдѣльную каморку, чуланъ—или вѣрнѣе могилу: отсюда онъ переходитъ прямо на кладбище.

Всякое сообщеніе между заключенными строго запрещено. У нихъ

ни книгъ, ни орудій для письма. Имъ не позволяютъ даже гулять на монастырскомъ дворѣ. Самоубійство и то имъ не доступно, такъ какъ при нихъ ни перочиннаго ножика, ни гвоздя. И бѣжать некуда — кругомъ вода, а зимой непомѣрная стужа и голодная смерть, прежде чѣмъ несчастный добрался бы до противоположнаго берега.

Между достопримѣчательностями монастыря—мечи Пожарскаго и Скопина-Шуйскаго, украшенные драгоценными камнями. Здѣсь погребенъ Авраамій Палицынъ. Въ монастырской библиотекѣ много древнихъ рукописей и грамотъ. Теперь въ монастырѣ уже болѣе шести недѣль живетъ Бередниковъ, товарищъ Строева. Онъ занимается разборкой архива и выписками изъ находящихся въ немъ сокровищъ. Монахи на него негодуютъ, потому что онъ не показываетъ имъ своихъ выписокъ и извлеченій.

Архимандритъ по виду напоминаетъ тѣхъ канониковъ, надъ которыми любилъ смѣяться Вольтеръ. Онъ написалъ: «Исторію Соловецкаго монастыря», руководствуясь актами изъ его архива, но св. синодъ не пропускаетъ ее. Такъ какъ въ числѣ заключенныхъ много раскольниковъ, особенно скопцевъ, архимандриту удалось составить изъ ихъ показаній точное описаніе ихъ ересей. Въ вѣрованіи скопцевъ слѣдующій догматъ: Спаситель вторично пришелъ на землю, чтобы научить заблудшихъ. Онъ не иной кто, какъ сынъ дѣвы Елисаветы Петровны императрицы — который былъ воспитанъ въ Голштиніи, царствовалъ подъ именемъ Петра III и теперь еще гдѣ-то живетъ.

Архангельская губернія вообще богата раскольниками. Епископъ здѣшній утверждаетъ, что изъ всего народонаселенія лишь сотая часть принадлежитъ православію. Нѣкоторыя секты въ условіяхъ своей вѣры считаютъ развратъ. Ихъ безчинія доходятъ до того, что дикіе самоѣды, недавно крещенные, гнушаются вступать съ ними въ семейныя связи. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ архіерей здѣшній.

Вечеромъ мы гуляли на Елисаветовскомъ островѣ: пили тамъ чай, а по серединѣ Двины, въ лодкѣ, даже шампанское, которымъ насъ угощалъ директоръ гимназіи Ковалевскій. Двина здѣсь великолѣпна. Наша красавица Нева должна ей уступить первенство. Ширина Двины здѣсь простирается на четырнадцать верстъ. Она усѣяна островами, на одномъ изъ которыхъ, на Соломбалѣ—часть города Архангельска и адмиралтейство.

Верстахъ въ сорока отъ города, къ западу, у моря открыты цѣлебныя воды. Многие, говорятъ, купающіяся въ нихъ, получили исцѣленіе или облегченіе отъ своихъ недуговъ.

2. Обѣдали у военнаго губернатора, адмирала Галла: это честный и добрый старикъ. Осматривали адмиралтейство. Намъ показы-

вали, какъ отдѣляются нѣкоторыя части корабля. Гигантскія ребра, гигантскія мачты! И эту громаду можетъ сокрушить, можетъ превратить въ щепы одна волна! Мы заходили къ капитану надъ портомъ. Онъ старикъ, но у него молоденькая жена, очень миленькая и живая шведочка.

7. На пароходѣ. Десять часовъ утра. Прекрасный день. Мы возвращаемся изъ Новодвинской крѣпости. Она не велика, а видъ съ нея почти такой-же, какъ съ Петрозаводской. Замѣчательнъ здѣсь дворецъ Петра Великаго: это крошечный домикъ съ четырьмя комнатами. Входы такъ низки, что Петру, при его высокому росту, приходилось сгибаться въ дугу, чтобы попасть въ спальню или столовую. Насъ очень вѣжливо встрѣтилъ смотритель, который, по выраженію Ильи Ивановича, сопровождавшаго насъ губернатора—уже успѣлъ «тюкнуть».

Заглянули мы и въ церковь, тоже построенную Петромъ Великимъ. Она деревянная, но живопись въ ней недурна.

Пароходъ несется по Двинѣ, какъ чайка; мимо мелькаютъ острова и береговья извилины. На встрѣчу намъ подвигается корабль на всѣхъ парусахъ; онъ тихо, величественно проносится мимо. Я не налюбуюсь широкимъ раздольемъ рѣки и чудесной погодой. Мы теперь плывемъ въ Шурну, лѣсопильный заводъ г-на Бранта...

8. Въ двѣнадцать часовъ пополудни выѣхали мы изъ Архангельска. Насъ провожалъ до заставы Илья Ивановичъ Огаревъ. Онъ отличается оригинальнымъ характеромъ. Онъ не особенно широкаго ума, не особенно образованъ, мало начитанъ, не честолюбивъ, но исполненъ честности, прямодушія и того простаго здраваго смысла, о торый видитъ вещи въ тѣсномъ кругу, но за то видитъ ихъ ясно, прямо, какъ онѣ есть. Его предшественники въ управленіи губерніей, можетъ быть, были умнѣе его, но за то и лучше умѣли соблюдать собственныя выгоды. Теперь губернія, по возможности, благоденствуетъ подъ начальствомъ двухъ простодушныхъ и добрѣйшихъ людей: адмирала Галла и гражданскаго губернатора Огарева. За послѣднимъ, кромѣ того, важная заслуга: онъ объявилъ войну ворами и взяточникамъ и самъ не поддается никакимъ соблазнамъ, хотя ихъ много въ такомъ торговомъ городѣ, какъ Архангельскъ. Огаревъ самъ мало образованъ, но съ величайшимъ рвеніемъ заботится о просвѣщеніи— и это въ силу какого-то непреодолимаго въ немъ влеченія. И онъ, и военный губернаторъ жаловались, что всѣ ихъ представленія объ устройствѣ и благосостояніи губерніи остаются безъ всякаго дѣйствія въ Петербургѣ. Тамъ у насъ много суетятся, но заботятся только объ очищеніи бумагъ, о быстрой циркуляціи ихъ,

до сути же вещей никто не доходитъ (1834 г.). Въ прошлый голодный годъ Огаревъ благоразумными мѣрами прокормилъ всю губернію: за это ему не сказали и спасибо. «Произвелъ какую-то быстроту въ ходѣ текущихъ дѣлъ» и получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Онъ самъ рассказывалъ мнѣ это съ досадою и прискорбіемъ. Зимой онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, съ цѣлью поговорить съ министромъ внутреннихъ дѣлъ о нуждахъ своей губерніи—и не дождался этого счастья. Наконецъ, принужденъ былъ явиться къ нему въ департаментъ, въ числѣ просителей: тогда его выслушали уже ради стыда.

На первой станціи отъ Архангельска насъ ожидалъ директоръ гимназіи, Ковалевскій, съ шампанскимъ, которымъ онъ насъ за все время пребыванія нашего въ Архангельскѣ усердно угощалъ.

Въ Холмогоры пріѣхали мы вечеромъ, осмотрѣли училище и немедленно продолжали путь.

Отъ Холмогоръ до Шенкурска мы опять тонули въ пескахъ. Пренесносная дорога Шенкурскъ—посмѣшище городовъ. Жителей, платящихъ податей, въ немъ тридцать два. Кучка полуразвалившихся деревянныхъ построекъ, брошенныхъ въ яму—вотъ городъ.

Смотритель училища привѣтствовалъ насъ рѣчью, въ которой называлъ князя (Дондукова-Корсакова) Авраамомъ и солнцемъ, а себя съ учителями и учениками «недостойными рабами его».

Другой городъ на нашемъ пути въ Вологду былъ Вельскъ. Тамъ застали мы вологодскаго епископа, Стефана, который объѣзжалъ свою епархію, съ цѣлью учрежденія тюремныхъ комитетовъ. Мы нашли его за обѣдомъ и очень веселымъ. Онъ и насъ усердно подчивалъ Донскимъ.

Вечеромъ мы пріѣхали въ Верховье. Это не городъ, но лучше многихъ городовъ. Въ немъ много зажиточныхъ купцовъ, торгующихъ съ Архангельскомъ и съ Кяхтою. Между ними нѣсколько милліонеровъ, напримѣръ, купецъ Рудаковъ, въ домѣ котораго мы были и дивились его роскоши и безвкусію. За Верховьемъ есть станція, Коморовъ-Совокъ, къ которой ведетъ бревенчатая мостовая: не дай Богъ еще когда нибудь по ней прокатиться.

13. Въ восемь часовъ утра мы прибыли въ Вологду. Осмотрѣли наскоро гимназію и отправились въ деревню Ассанову, въ трехъ верстахъ отъ города, принадлежащую Дмитрію Михайловичу Макшееву. У него приготовлена была намъ квартира.

На слѣдующій день мы опять посѣтили гимназію—и на этотъ разъ уже основательно. Я экзаменовалъ учениковъ: они отвѣчали недурно изъ исторіи и словесности.

По окончаніи экзамена ко мнѣ подошелъ жандармскій полковникъ и, послѣ обыкновеннаго привѣтствія, спросилъ: не знакомъ ли я съ Константиномъ Николаевичемъ Батюшковымъ?

— Нѣтъ, лично вовсе не знакомъ.

— Странно, между тѣмъ онъ часто вспоминаетъ ваше имя.

— Мое имя? Это удивительно! Да гдѣ онъ теперь?

— Здѣсь: онъ мнѣ родственникъ.

Я рѣшился навѣстить Батюшкова.

15. Заѣхалъ утромъ къ жандармскому полковнику и мы вмѣстѣ отправились къ несчастному поэту.

Когда ему объявили о моемъ прибытіи, онъ сказалъ:

— Очень хорошо: съ нимъ и Дѣва Марія придетъ ко мнѣ.

Духъ этого человѣка въ совершенномъ упадкѣ. Я прочелъ ему нѣсколько стиховъ изъ его собственнаго: «Умирающаго Тассо»: онъ ихъ не понималъ. Ихъ удивительная гармонія не отозвалась въ душѣ, нѣкогда создавшей ихъ.

Онъ говорилъ страшный вздоръ о томъ, что у него заключенъ какой-то союзъ съ Англіей, Европой, Азіей и Америкой; что онъ гдѣ-то видѣлъ, какъ кто-то влачилъ въ пыли Карамзина и русскій языкъ; вспоминалъ о какой-то Екатеринѣ Карамзиной и все заключилъ неприличной выходкой противъ англичанъ. Затѣмъ онъ быстро вскочилъ и побѣжалъ въ садъ. Мы послѣдовали за нимъ, но онъ уже больше ничего не говорилъ: былъ угрюмъ и молчаливъ. Его содержать хорошо. Комнаты его меблированы отлично и самъ онъ одѣтъ опрятно и даже нарядно—въ синемъ шелковомъ халатѣ и ермолкѣ на головѣ. Онъ закидывалъ конецъ халата на плечо, въ видѣ римской тоги, и все время старался принять важный, трагическій видъ.

Ужасное впечатлѣніе произвелъ онъ на меня: я долго не могъ отъ него оправиться.

За обѣдомъ у Макшеева я видѣлъ еще одно замѣчательное лицо—Крюковецкаго, бывшаго диктатора Польши. Ему лѣтъ около шестидесяти. Онъ высокаго роста и прекрасной наружности. Много любопытнаго рассказывалъ онъ о послѣднихъ событіяхъ въ Польшѣ. Виновникомъ возстанія онъ считаетъ в. кн. Константина Павловича, который раздражалъ умы насмѣшками надъ конституціей и похвалой, что ее ничего не стоитъ уничтожить. Онъ приводилъ полякамъ въ примѣръ Карла X, говорилъ, что со всякою конституціей надо поступать, какъ тотъ поступилъ съ французскою. Когда же Карлъ за то заплатился короною, вел. кн. былъ этимъ очень недоволенъ и безпрестанно толковалъ съ приближенными поляками о томъ, что въ Польшѣ

этого не можетъ быть. Наконецъ, возстаніе разразилось и в. кн. первый удалился изъ Варшавы.

16. Я забылъ записатьъ раньше слѣдующее. Въ Сійскомъ монастырѣ видѣлъ я портретъ какого-то архіерея, написанный масляными красками, и очень недурно, самоучкою, крестьянскимъ мальчикомъ, изъ какого-то села подъ Архангельскомъ. Ему тогда было всего четырнадцать лѣтъ. Тетерь онъ учится въ академіи художествъ. Видно, родина Ломоносова не оскудѣваетъ талантами.

Кстати о Ломоносовѣ. Приѣхавъ въ Архангельскъ, я послѣшилъ взглянуть на памятникъ этого нашего перваго русскаго ученаго свѣтила. Я нашель его на засоренной площади, въ пяти шагахъ отъ полицейскаго дома. Фигура Ломоносова отлита не дурно; положеніе его величественно; лицо дышетъ вдохновеніемъ. Но геній, который подаетъ ему лиру, вовсе лишній, да и выполненъ не хорошо. Къ чему онъ здѣсь? Пусть бы Ломоносовъ просто стоялъ, какъ поставленъ, съ лирою въ рукахъ и съ возвышеннымъ челомъ. Онъ можетъ самъ за себя говорить — онъ самъ геній. Я разспрашивалъ о его родственникахъ: близкіе уже все вымерли.

18. Мы приѣхали въ Ярославль и остановились въ довольно плохомъ трактирѣ. Обѣдали у губернатора; вечеромъ гуляли по бульвару, на берегу Волги.

А. В. Никитенко.

Примѣчаніе. На этомъ прерывается дневникъ за 1834 годъ.

С. Н.

(Продолженіе слѣдуетъ).
